

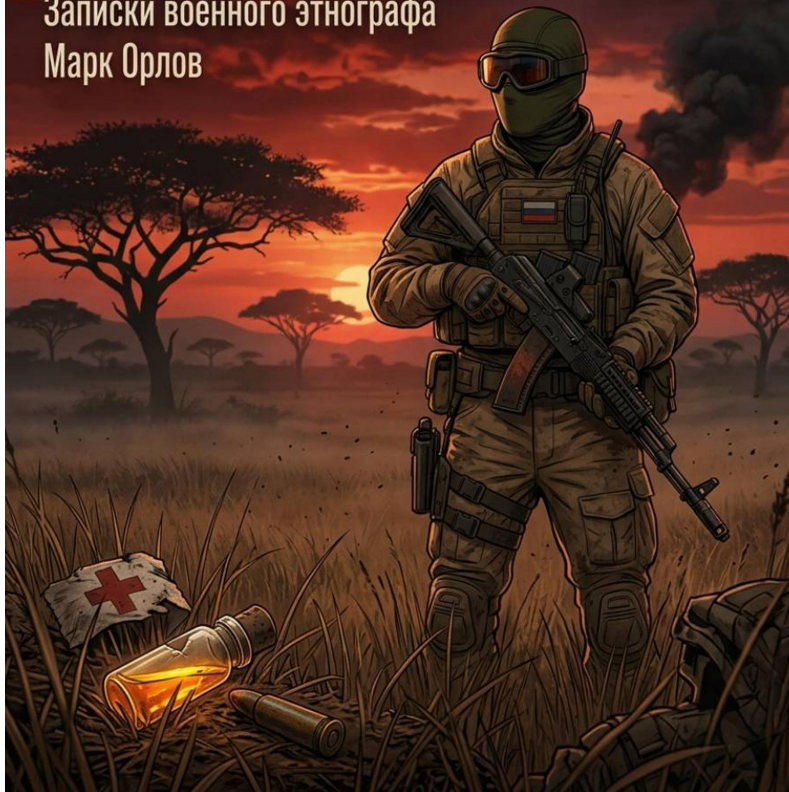
ОРКЕСТРАНТЫ СМЕРТИ

4.2

ПЕСНИ САВАННЫ

Записки военного этнографа

Марк Орлов

Марк Орлов
Оркестранты смерти.
Часть 2. Песни саванны.
Записки военного этнографа

<https://litres.ru/73299169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тайны саванны оживают в романе «Оркестранты смерти». Африка становится ареной жестоких игр: российские наёмники, западные спецслужбы, местные повстанцы и учёные, сделавшие сенсационное открытие. Среди золота, крови и древних обычаев решается судьба целых народов. Кто выживет в этой игре без правил? Африканский корпус — наследники ЧВК «Вагнер» — ведут свою игру за влияние, ресурсы. Пока наёмники и дипломаты сшивают страну, в соседнем Конго учёные Красного Креста случайно открывают дешёвое средство от малярии. Открытие грозит обрушить многомиллиардные фармацевтические рынки и становится мишенью для западных спецслужб. Когда для спасения раненого товарища отряду ГРУ приходится нарушить границу и обратиться к врачам миссии, все нити сюжета сходятся смертельный узел.

Теперь русским предстоит выстоять в противостоянии с британскими наемниками, но и защитить открытие, которая может спасти тысячи жизней — или стать причиной новой войны.

Марк Орлов

Оркестранты смерти. Часть 2. Песни саванны. Записки военного этнографа

Пролог.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО. Военная аналитическая группа. Центр стратегических исследований (CSIS)

*Дата: 15.12.2023 года. Документ №: AFR-INT-2025-047
(Категория: совершенно секретно)*

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Тема: Деятельность российского «Африканского корпуса»: структура, цели, тактика и последствия для интересов США

1. Введение

В период с апреля 2022 г. Российская Федерация (РФ) значительно усилила свое военно-политическое присутствие в Африке через создание неформального военного контингента, условно обозначаемого как «**Африканский корпус**»

(АК). Данная структура является эволюцией частной военной компании (ЧВК) «Вагнер» и находится под оперативным контролем **Главного управления Генерального штаба ВС РФ (ГРУ)**.

Цель записки: анализ структуры, тактики и стратегического значения АК для безопасности США и их союзников.

2. Состав и структура

2.1. Численность и дислокация:

Общая численность: до 20 000 бойцов

Основные контингенты:

Бывшие бойцы ЧВК «Вагнер» (60%).

Кадровые военные РФ (20%, включая офицеров ГРУ).

Наемники из Сербии, Сирии, Ливана (20%).

2.2. Ключевые подразделения:

Штурмовые группы: Проведение прямых боевых операций.

Инструкторские команды: Обучение местных сил.

РЭБ/Киберподразделения: Радиоэлектронная борьба и хакерские атаки.

3. Цели и задачи создания Африканского корпуса

Геополитические:

Подрыв влияния Франции и США в Сахеле (**переходная природно-географическая зона в Африке**, расположенная между пустыней Сахарой на севере и более плодородными саваннами и тропическими лесами на юге. Этот регион имеет критическое стратегическое значение из-за сочетания **экологических, экономических и военно-политических факторов**), создание пророссийских режимов.

Экономические:

Контроль месторождений золота, урана, алмазов (ЦАР, Мали, Судан, ЧАД).

Военные:

Создание опорных баз для ВМФ РФ (порт Судана, аэродромы в Мали).

Информационные:

Пропаганда «антиколониальной» повестки через местные СМИ, формирования лояльности населения к России и ее действиям на территории Африки

4. Страны операций и активность

Страна

Роль АК

Противники

Мали

Поддержка хунты, борьба с джихадистами.

Франция, «Исламское государство».

ЦАР

Контроль золотых приисков, охрана президента Туадера.

Повстанцы «Коалиция патриотов».

Судан

Попытка создания базы ВМФ, поддержка генерала Хемед-ти.

Армия Судана (проамериканская фракция).

Буркина-Фасо

Военные советники, подавление профранцузских групп.

AQIM, местные оппозиционеры.

5. Финансирование АК

Источники:

Бюджетные ассигнования через Минобороны РФ (до

\$200 млн/год).

Ресурсные сделки (добыча золота в ЦАР, урана в Мали).

Платежи от местных режимов (например, Мали оплачивает услуги золотом).

Пример: В 2023 г. через компанию «М-Инвест» (подконтрольна ГРУ) вывезено **10 тонн золота** из ЦАР (источник: UN Panel of Experts).

6. Проблемы и уязвимости

Высокие потери (до 30% личного состава в Мали за 2024 г.).

Дефицит логистики (зависимость от местных режимов).

Рост сопротивления местных режимов (партизанские атаки в ЦАР).

7. Выводы и рекомендации для США

Усилить санкции против компаний, связанных с АК (например, «Лобайе Инвест»).

Поддержать альтернативные силы в Африке (частные военные компании США), использовать ССО Украины, как имеющий опыт войны с русскими, понимающих их психологию (ССО – элитное подразделение **Вооруженных Сил Украины**, созданное в 2016 году по стандартам НАТО. Аналог американских **USSOCOM** или британских **SAS**.)

Развернуть кибервойска для дестабилизации комму-

никаций АК, формирования нужного информационного поля среди местного населения.

Прогноз: В 2024–2025 гг. РФ расширит присутствие АК в **Гвинее и Нигере** для контроля урановых месторождений.

Приложения:

Карта дислокации АК (см. файл **AFR-MAP-047**).

Список подконтрольных АК компаний (см. файл **AFR-ECON-047**).

Боевая тактика АК (см. файл AFR-MAP-046)

Подготовил:

Джейн Коллинз

Директор отдела африканских исследований CSIS

Распространение: Министерство обороны США (Пентагон), Командование AFRICOM, Комитет по разведке Сената США.

Документ предназначен исключительно для служебного пользования. Несанкционированное распространение запрещено.

Глава 1. Чудесное исцеление. 1998 год. Гайана. Где-то в джунглях Южной Америки.

Ударом своего кулака Старина Дик мог легко убить небольшого быка. За его спиной шептались, что он проделывал это не раз – и не с быками, а с живыми людьми в портовых тавернах Гайаны, Богом забытой страны в Южной Америке. Гайана – одна из самых маленьких стран Латинской Америки, зажата между Венесуэлой и Бразилией, с очень бедным, но веселым народом, примитивной экономикой и огромными, скрытыми в джунглях запасами золота и нефти.

Вот это золото и искала группа рабочих во главе с молодым инженером Джимом Хамблом, уже неделю бредущая через непроходимые заросли, топкие болота и бурные речки.

Старина Дик, не торопясь бил полуграмотного парнишку лет шестнадцати, согласившегося за мизерные деньги и большую премию, в случае успеха экспедиции, уйти на пару месяцев в джунгли. Бил за дело, парень умудрился при переправе через не самую глубокую реку утопить рюкзак с аптечкой и двумя литрами чистого медицинского спирта. Можно было списать все на стечение обстоятельств – не выдержали лямки старенького рюкзака, в котором парень тащил добро экспедиции, в компании было принято экономить на снаряжении. Старина Дик это понимал, поэтому бил вполсилы – скорее, чтобы сбросить эмоции, чем покалечить паренька, спирта было жалко.

– Оставь его, – устало бросил инженер-старатель Джим

Хамбл. – Уже ничего не поделаешь. Возвращаться не будем, с божью помощью все преодолеем.

Действительно, компанию, отправившую их в полевой выход, смертность в группе волновала меньше всего. Более того, она даже приветствовалась – помогала экономить на зарплате. Но с больными рабочими геологоразведку не проведешь. А самое опасное в этих джунглях – не смертоносные змеи, не ягуары, притаившиеся в кронах деревьев, не ядовитые пауки и не коварные черные крокодилы, поджидающие на заболоченных берегах рек. Нет, самый коварный враг человека в тропиках – малярийный комар! Помни об этом беспечный турист.

В диких джунглях водятся четыре вида малярийных комаров, но самый опасный – тот, что вызывает церебральную малярию. Самка комара впрыскивает в кровь жертвы при укусе паразита – малярийного плазмодия. Тот проникает в печень, начинает там бурно размножаться, потом возвращается в кровь и атакует эритроциты. Клетки крови разрушаются, становятся «липкими» и забивают сосуды головного мозга, а там уже и температура под сорок один градус, накачиваемая волнами лихорадка, судороги, кома и неминуемая мучительная смерть.

Местные индейцы имеют иммунитет к малярии, а вот европейцам нужно для профилактики принимать артемизинин или любой другой противомаларийный препарат. Джим Хамбл взял артемизинин с избытков – но сейчас этими таб-

летками, скорее всего, закусывали местные крокодилы в каком-нибудь омуте, предварительно вылакав два литра спирта. Пить лекарство нужно по две таблетки три раза в день в течение двух недель, но разве это объяснишь безмозглым тварям.

«Мы принимали его десять дней... Может, эффекта хватит на оставшийся месяц», – с тоской подумал инженер. *«Возвращаться – не вариант. Компания не поймет».*

Эффекта хватило ровно на неделю. На седьмой день четверо из шести рабочих не смогли выбраться из своих спальных ранчо рано утром. Двое других были местными, а сам инженер благоразумно держал свой запас таблеток в личном рюкзаке. Какое-то время он неподвижно смотрел, как мечутся в жару его люди, изнуренные паразитом, пожирающим их изнутри, и предчувствием неминуемой смерти. В довершение всего лихорадка застала группу вдали от источников чистой воды, а все запасы во флягах были быстро высушена жаром болезни.

Отчаяние охватило инженера. Людей было жалко, но даже если выдать им остатки артемизинина, это только продлит их мучения, но никак не спасет, возможно позволит пройти еще с пяток километров.

Джим Хамбл набрал дождевой воды из неглубокой лесной лужи в походный котел. Заглянул внутрь, в воде резвились тысячи личинок всевозможных летающих и ползающих тварей. На этот случай у инженера был припасен препарат на

основе диоксида хлора. Инженер покрутил в руках упаковку, на которой обнадеживающе было написано, что препарат убивает всё живое. Бросив в почерневший от копоти котел с десяток таблеток (двойную норму для надежности), он поставил его возле трясущихся в лихорадке больных и, взяв свой верный карабин, отправился к руслу ближайшей высохшей речки – искать следы золота. Рабочие были обречены, а семью кормить надо.

Инженер вернулся в лагерь, когда уже смеркалось, с мрачными размышлениями и плохими предчувствиями, какой глубины лучше копать могилы. И вдруг...он остолбенел. На поляне весело трещал большой костер, а сидевшие вокруг рабочие о чем-то горячо спорили, спор, прерывался взрывами дикого хохота. Это никак не походило на палату смертельно больных малярией.

– Джим! – радостно завопил Старина Дик, еще утром не узнававший его в приступе лихорадки. – Тут волшебная вода! – Он двинул ногой по пустому котлу, так что тот весело загудел – Она вылечила нас от этой чертовой болезни! Она вылечила нас от малярии, чтобы меня разорвало.

Это было невероятно, голова пошла кругом, инженер не верил в чудесные свойства дождевой воды, силу молитв, и самоисцеление, тогда что же? Копеечное средство победило одну из самых страшных болезней на планете. Такого не могло быть – но это произошло.

– Черт побери, – ошарашенно подумал Джим Хамбл, – а похоже я нашел свою золотую жилу! Но как же сильно он ошибался.

Глава 2 ЦАР Кощей

Рыжая собака практически сливалась с такой же рыжей африканской дорогой, в пыли которой она лежала, лениво приподняла голову, осматривая чахлую растительность, несколько хижин, выстроенных из прутьев, дюралевой обшивки самолета и кусков брезента. Взгляд пса задержался на ветках дерева, под которым лежал пес и его два собрата, судя по раскрасу из одного помета.

В кроне дерева сидел, вцепившись всеми лапами в засохшую ветку, облезлый кот черного цвета с разодранной мордой и кровоточащим ухом, облепленным мушками. Сил у кота отогнать мух уже не было. На это дерево псы загнали его несколько часов назад, а дальше просто неторопливо ждали, когда жара, жажда и смертельная усталость свалят кота на землю. Собаки сменяли друг друга под деревом, успевая заниматься своими собачьими делами, действуя слаженно, как хорошо сыгранная команда.

Кот был обречен, он это знал. Когда-то собаки точно так же покончили с его матерью, разорвав на части в считанные секунды, когда она свалилась с дерева. Единственный шанс – это рискнуть, пока есть силы, спрыгнуть на дорогу и попробовать добежать, спрятаться в прохладе ближайшей хи-

жины, забиться там под топчан в надежде, что люди защитят от стаи. А дальше начиналось множество «если»: а если дверь закрыта, а если там нет топчана, а заступится ли чернокожий за тебя или отшвырнет ногой прямо в набегающую пасть на потеху местным детишкам. Кот в чудеса не верил, но выбора не было.

Безжалостное солнце выжигало коту зрачки, ветки, тень редких пожухлых листьев не спасала. Кот принял решение – драться! Он был прирожденный боец, выживший не в одной схватке с собаками, змеями, людьми и африканской жарой. И чтобы собраться с силами перед, возможно, последним броском в его недолгой кошачьей жизни, он, закинув голову к зениту, и прикрыв глаза, затянул протяжную горловую боевую песню, заглушая звуки двигающейся по дороге военной колонны...

Мы возвращались с дежурного патрулирования. Наша небольшая колонна, состоящая из отжатого у местного филиала «Аль-Каиды» пикапа с установленным в кузове крупнокалиберным пулеметом, раскалённого на солнце БМП-3 и броневедомоги «Тигр», катилась на базу после сопровождения нескольких грузовиков со строительными материалами, почтой, инкассаторскими мешками и еще черт знает с чем. Были попытки пристроиться к колонне у нескольких гражданских автомобилей, которые мы отогнали предупредительной очередью в воздух, ибо есть четкие инструкции на этот счет.

На въезде в очередную деревушку нас радостно приветствовала малышня, играющая в пыли, помахала руками группа крестьян в ярких гавайских рубашках с мотыгами, что-то до этого увлеченно обсуждавшая на обочине. Местные жители нас любили, чего не скажешь о кочующих племенах, которые часто видели в нас возможность опасного, но стабильного заработка от той же "Аль-Каиды". Они минировали дороги по пути нашего следования или вели хаотичный обстрел с расстояния 500 метров, радости у нас это не вызывало, хотя потерь среди личного состава пока не было.

На повороте дороги стояло засыхающее дерево, в тени которого рыжими тряпками лежали три собаки. Над ними, в метрах пяти над землей, на засохшей корявой ветке стоял черный кот и, запрокинув голову, закрыв глаза, пронзительно выл. Собаки не обращали на его рев никакого внимания, а кот, покачиваясь, что-то пытался сказать этому безоблачному ярко-синему небу. На лбу кота высвечивалась белая отметина, напоминающая очертаниями череп.

Расклад сил был мне абсолютно понятен, и я два раза ударил прикладом по броне, прося водителя нашей колымаги остановиться. Из верхнего люка броневика тут же вылезла любопытствующая рыжая веснушчатая голова моего бойца Кольки Семенова с позывным «Чижик». Чижик у всего 20 лет, он энергичен, жизнерадостен и во многом наивен, пацан одним словом. В Африканский корпус он пришел почти сразу же, как получил российский паспорт. Несмотря на свой

небольшой возраст, Рыжик знал о войне не понаслышке, так как родился и вырос на Добассе. Стоял на блокпостах, помогал чем мог бойцам донецкого ополчения. Его отец погиб в боях с украинскими добровольческими отрядами, поэтому хохлов Чижик ненавидел всей душой, а на втором месте у него стояла перловая каша, которую наш повар регулярно готовил по четвергам.

– Что случилось?

– Нужно спасти товарища, который попал в окружение превосходящих сил противника! Принимай бедолагу.

Я приподнялся с раскалённой брони и подхватил воющего кота с ветки. Какое-то время, уже в полете, он продолжал взывать к своим кошачьим богам, но потом раскосые глаза распахнулись, в них вспыхнула боевая искра и, извернувшись в воздухе, кот вцепился всеми зубами в мою тактическую перчатку. От неожиданности я разжал руки, и спасенный рухнул на голову Рыжику, после чего они скрылись в недрах машины.

Секундная пауза, и чрево автомобиля наполнилось веселой возней, стуками тяжелых предметов, отборным матом и воплем нашего связиста с позывным Казань:

– Убью, падла!

Через какое-то время шум прекратился. Я осторожно за-

глянул в машину. Кот шипел, выставив перед собой когтистую лапу где-то под скамейкой, а бойцы отделения зализывали кровоточащие царапины у себя на руках.

– Ну вы что, как не родные? Это же явно кто-то из наших, видите – череп на лбу, может это боевой товарищ, вагнеровец, который переродился в животину, а вы сразу «убью падла». С котиком нужно по-доброму, лаской, сухпайком поделитесь, водички дайте... Эй, за штурвалом, двинули!

Зверюга был похож на кого угодно, но только не на котика!

Колонна продолжила движение. Где-то минут через двадцать я опять заглянул внутрь железной душегубки.

– Как дела у спасенного?

– Жрет, – как-то обреченно выдохнул Казань. – Жрет консерву, причем сразу с фольгой. Тоший, как Кощей.

– Доведем до расположения, выпустим.

Мне 44 года. Мой позывной – Француз, потому что я знаю французский, люблю Францию, мушкетеров, круассаны, творчество Далиды и Эдит Пиаф. Кто я? Я штурмовик Африканского корпуса. На моем шевроне на левом плече – череп ЧВК «Вагнера», который помнит руины Бахмута. За

год войны на Украине я прошел путь от санинструктора до командира отделения.

На правом плече шеврон со шлемом благоверного князя Александра Невского, древнерусский полуторный меч и девиз «Осмеливающийся побеждает». Суть девиза, как нам объяснили командиры, проста: одной силы для победы мало, нужна смелость и готовность идти до конца. Где заканчивается тот конец нам не объяснялось, ибо это военная тайна. Мы там, где нужны России. В моем случае, мы были нужны в ЦАР, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

Колонна, неторопливо урча моторами, вползла на территорию российской базы, располагающейся недалеко от столицы ЦАР Банги. Двухэтажное здание казармы с окнами, заложеными мешками с песком, гордо носило вывеску, нарисованную местными шутниками "Отель Арарат – 5 звезд". На потрескавшемся белом фасаде красовалась полустёртая надпись "Добро пожаловать в саванну огненную!" и свежая табличка с изображением овчарки – «Осторожно, злые сапёры».

В целом, военная база напоминала мне по устройству, распорядку и ощущениям, пионерский лагерь из моего далекого детства. В казарме был даже кондиционер, который работал согласно только ему понятному графику. С упорством, достойным уважения, наши механики чинили, а он с таким

же упорством постоянно ломался. Но средняя дневная температура в ЦАР около 31 градуса, ночная 22, так что жить можно и без кондея.

Особняком стоял "спа-комплекс" – бывший гараж, переделанный в русскую баню. Париться в 40-градусную жару может показать кому-то извращением, но баня была еще и ощущением далекой Родины, которая с какой-то только ей понятной целью, закинула нас сюда.

Отдельной строкой хочется отметить столовую, в которой кормили хорошо, но однообразно, поэтому наш «Шеф-повар» Малхаз создавал различные кулинарные шедевры с использованием местной флоры и фауны. Вот вы ели гречневую кашу с луком и обжаренной саранчой, а ведь это просто бомба! Жареная саранча напоминает соленые хрустящие чипсы, идеально подходит к холодному пиву, желательнее темному охлажденному до температуры ниже десяти градусов по цельсию.

Вечером столовая превращалась в клуб по интересам: смотрели скачанные дома фильмы, играли в покер, отмечали дни рождения. Боевой работы, за которой многие приехали с Украины, было до обидного мало.

Спасенный от собак кот, разомлевший от консервов и вылаканного литра воды, безмятежно спал, когда его выволокли на божий свет, поставили у края зарослей травы перед «отелем» и носком ботинка предложили отправиться в сторону выхода, на вольные хлеба, в пампасы. Он постоял некоторое время взвешивая все за и против, задумчиво разглядывая горизонт. Где-то вдалеке, за зелеными холмами пролаяла гиена. Кот принял жизни определяющее решение, в два прыжка взметнулся обратно на броню БМП, в люк и улегся на водительское сиденье, всем своим видом показывая, что это место нравится гораздо больше и вообще – он здесь надолго. Кот получил позывной «Кошей» и общим голосованием был оставлен в отряде, как символ возможного перерождения штурмовика после смерти.

А нас, уставших, вымотанных тряской, жарой и мелкой африканской пылью ждал настоящий шашлык! Сначала я даже не поверил своему носу, но нет, над расположением плыл чарующий, дразнящий вкусовые сосочки, запах шашлыка. Ай да Малхаз, ай да молодец! Раздобыл к нашему приезду свининку.

В Африке, как и в глубинке России на водку можно бы-

ло обменять все. Водки у нас не было, но периодически нашим медикам завозили медицинский 96% спирт, который при разведении 1 к 4 легко превращался в божественный напиток, а при добавлении ягод Зизифуса, колючего кустарника, повсеместно растущего вдоль местных дорог, напиток становился не только вкусным, но и целебным.

Местные христиане, считают, что терновый венок Христа был изготовлен из веток Зизифуса – они покрыты шипами, которые получили название «Христовы колючки». Наш доктор с пеной у рта утверждал, что настойка из Зизифуса лечит любую инфекцию, болезни суставов и хроническую депрессию, а так заболеваний у него было много, лечился он постоянно. Не знаю про целебный эффект, но литр настойки легко менялся у местных военных на пять килограмм свинины.

Свинина добывалась военными во время безумных ночных сафари. Армейские внедорожники тихо урча моторами, периодически заезжали в заранее приглянувшуюся деревню, ослепляли мирно бредущую свинью светом ярких фар, давили бампером, быстро грузили в пикап и везли мясо на продажу или обмен. Крестьяне, для которых черные свиньи были часто единственным источником дохода, сами они их не ели, люто ненавидели за это солдат, но поделать ничего не могли,

в Африке закон у того, кто крепче держит в руках автомат.

Глава 3 «Лучшая в мире работа»

Когда-то свое присутствие в Африке современная Россия начинала именно с ЦАР, бывшей французской колонией с гражданской войной между христианами и мусульманами, урановыми рудниками и абсолютно бесполезными миротворческими силами ООН. В 2017 году президент Туадера контролировал только столицу страны Банги, вся остальная территория находилась под властью бандитских группировок. Чувствую своей жирной черной пятой точкой, что жить ему остается не так уж много времени, президент запросил помощь России, которая, как мы знаем, «щедрая душа», ибо помогает часто, а долги спрашивает редко.

Россия откликнулась, продавila в ООН отмену эмбарго на поставку в страну оружия, и забросила 175 военных инструкторов и 250 бойцов из ЧВК Вагнер, которые абсолютно легально взяли под защиту президента и приступили к переговорам с полевыми командирами различных группировок, параллельно обучая правительственные войска искусству убивать.

И пока на Западе выражали озабоченность нарушениям

прав человека, Россия сшивала страну не силой оружия, а силой своих переговорщиков, ученых, специалистов по Африке. Все это принесло результат. Боевики начали массово складывать оружие, более пяти тысяч согласились участвовать в президентской программе ДДР – демилитаризации, демобилизации и реинтеграции.

Главное достижение российского командования – что местные стали воспринимать нас, как посредников в примирении, объясняя боевикам понятные условия для выхода из затяжного конфликта. Начали открываться школы, появилась возможность ездить по стране без риска быть ограбленным и убитым на ближайшем блокпосте. За год работы ЧВК правительством было освобождено и взято под контроль более 30 городов, мы возвращали людям мирную жизнь.

Взамен Россия получила в ЦАР военную базу, важный логистический узел для переброски оружия в соседние регионы, плацдарм в центре континента для влияния на франкоязычные страны. Обиженная Франция назвала это «гибридной колонизацией» и всячески пыталась нам противодействовать. Думаю, что как минимум 50% нападений на наши колонны были организованы местными бандитами по указке французских заказчиков.

Воевали мы немного, это вам не Украина. Но я никогда не забуду свое первое африканское боевое крещение.

Вместе с правительственными войсками мы зажали у излучины реки кочевое племя. Станковые пулеметы бронемашин прижимали кочевников к земле – в теории они готовы были умереть в бою, как подобает воинам, но за их спинами были семьи, женщины и дети, а шальная пуля не выбирает себе жертву по возрасту или полу. Кочевники, полежав мордой в песке минут десять, и потеряв процентов двадцать бойцов, в том числе и своего вождя, решили сдаться.

Тогда передо мной предстало три десятка изможденных мужчин, босоногих, в рваных штанах и майках, вооруженных охотничьими ружьями, ржавыми автоматами без затворной рамы, перетянутые проволокой (слава великому Калашникову), луками и даже кремнёвым ружьем эпохи французской колонизации. Всё это позже сгребли в огромную кучу и сожгли, ружье было жалко, прекрасный экземпляр для музея. Кочевники смотрели исподлобья, зло, будто могли убить взглядом.

А за ними расположился кочевой городок: худые женщины с выпирающими ключицами и грудными младенцами, привязанными к спинам; девочки-подростки с расширенными от ужаса глазами, прижимающими к себе вязанки хвороста (дрова – одна из самых твердых валют в саване), скот –

тощие коровы, облепленные мухами, козы с выпирающими ребрами, несколько свиней, похожих на гончих собак. Орующая, воняющая, плачущая, копошащаяся масса живого.

Жестокость этого племени вошла в легенды. Попавшаяся на их пути деревня исчезла с лица земли – хижины сжигались, с крестьян живьем снимали кожу, женщин насиловали. На единичные убийства власти обычно не обращали внимания, но здесь была вырезана целая деревня, и правительственные войска были вынуждены вмешаться.

Но если кочевники были для меня дикарями из прошлого, то ИГИЛ (организация запрещенная на территории РФ) – чудовища настоящего. Группировок, прикрывающихся модным брендом, было сотни.

Вилайт «Западная Африка» (ISWAP, организация запрещенная на территории РФ)) – самая опасная структура «Исламского государства», действующая в Африке. На наше счастье, в 2016 году внутри движения произошел раскол: часть боевиков осталась верна антизападному течению «Боко Харам» (что в дословном переводе означает «западное образование – это грех», организация запрещенная на территории РФ)), а ISWAP, более гибкая в выборе жизненных принципов, взяла курс на универсальный джихад, активно сотрудничая с западными спецслужбами, да порой и с нами, передавая информацию про перемещение «Боко Харам».

«Боко Харам» – одна из самых жестоких религиозных террористических группировок: вербовка смертниц, продажа людей, отравление колодцев, изготовление из частей тел убитых детей «лекарственных средств» на продажу в Китай.

Вооружение у игиловцев далеко ушло вперед от кремневых ружей и луков со стрелами, у них было все, включая танки. Главный источник оружия: захваты у армий Нигерии, Чада, Судана (стрелковое оружие, бронетехника, миномёты, переносные зенитные комплексы), а порой и прямые поставки из Франции, Британии и США под конкретную операцию.

Все подразделения ИГИЛ активно используют вербовку детей, женщин. Это было самое страшное и тяжелое для русского солдата. Каждый ребенок, появляющийся рядом с машиной и просящим глоток воды, мог прятать под рубахой гранату, яд или мину. Он честно просил, честно благодарил, возя грязными ладошками по черной шевелюре, а потом, вспоминая, зачем он здесь, честно выдергивал чеку гранаты, подрывая себя и нас, не забывая прошептать «Аллах Акбар». В первые месяцы существования Африканского корпуса – дети были причиной самых больших потерь, поэтому пере-

мещаться по стране было разрешено только для боевой работы, в составе подразделения и минимальными контактами с местным населением.

Отдельно стоит вспомнить различные ЧВК, для которых Африка – дом родной и источник стабильного заработка. DynCorp – американские пенсионеры из Delta Force, уверенно держат место лидеров на рынке военного найма, предлагая самый широкий спектр услуг, от авиаперевозок и логистики до электронной разведки; Bancroft – бывшие американские рейнджеры и морпехи, тренирующие местных военных, параллельно с нами, Omega – южноафриканские ветераны из 32-го батальона, лучше всех приспособленные для боевых действий в саванне, верящие в колдовство и амулеты, защищающие от пули лучше бронежилета.

Все воевали против всех, все сотрудничали со всеми, и это было, и есть норма для этой части Африки. Часто «террористами» могут быть обычными племенами, которым просто некуда деваться. Они присоединяются к террористической организации и поднимают ее флаг, чтобы выжить, найти себе союзников среди тех, кто способен защитить племя от настоящих бандитов. Любую информацию о сущности тех или иных групп, поступающую от местных властей и военных, необходимо делить на десять. Нередко под предлогом борьбы с терроризмом могут быть «зачищены» те, кто неудо-

бен по религиозному, территориальному признаку. Поэтому главный критерий действия или бездействия для нас – это только интересы России и приказ командира.

Советский Союз в Африке помнили с благодарностью: у России никогда не было колоний, в СССР боролись за права чернокожих, строили гидроэлектростанции, больницы, создавали вооруженные силы различных государств. На континенте в 70–80-х годах работали сотни тысяч наших геологов, врачей, преподавателей, военных советников, энергетиков, строителей, шахтеров, нефтяников.

Рудник Мфуати в Конго. Ежегодно здесь производилось тысячи тонн свинцового концентрата, часть которого отправлялась в СССР для нужд атомной промышленности.

А в Мали советские геологи и инженеры разрабатывали золоторудное месторождение Калана. 80% добытого золота направлялось в Советский Союз. Это было не просто экономическое партнёрство, а взаимовыгодный обмен, укреплявший связи между странами. И в наше время, одним из главных источников дохода ЧВК Вагнер была охрана алмазных и золотоносных шахт в Мали, ЦАР, Мозамбик, Конго, с добычи которых, структуры, аффилированные с Пригожиным, получали до 25%. Эти деньги шли на закупку оружия, оплату контрактов, выплаты семьям погибшим, строительства баз. У вас есть еще вопросы, почему разбился самолет

с руководством ЧВК?

За многие проекты Россия заплатила кровью своих специалистов. Перед отправкой в Африку нам прочитали несколько лекций о том, куда мы едем. Помню, как меня потрясла история про гибель наших военных советников в Анголе в 1981 году.

После провозглашения независимости Анголы от Португалии в 1975 году страна погрузилась в гражданскую войну, ставшей частью холодной войны США и СССР.

Москва рассматривала Анголу как потенциальный плацдарм для распространения социалистических идей. География тоже имела значение: протяженная береговая линия в Южной Атлантике, контроль над морскими путями вокруг мыса Доброй Надежды, возможность создания цепочки военно-морских баз. Опять же, жажда ничто, имидж – все! СССР – это защитник угнетенных народов. Общие затраты на Анголу составили более 4 миллиардов долларов.

А рядом была Намибия, где южноафриканская армия гоняла в хвост и гриву местных партизан, боровшихся за независимость страны от ЮАР. Когда партизанам становилось особенно тяжело, они пересекали границу и укрывались на территории Анголы, зализывая раны и накапливая силы для дальнейшего сопротивления.

В август 1981 года южноафриканские военные совместно

с американскими стратегами, сидящими в прохладных кабинетах Претории, решили преподать урок тем, кто осмелился помогать их врагам, проведя операцию "Протей".

По дорогам Анголы в провинции Кунене двинулись отборные части южноафриканской армии. Им противостояла 11-я пехотная бригада Анголы, оборонявшая город Онджива, и горстка советских советников. Четырнадцать человек, затерянных в Африке. Среди них – пять женщин, приехавших из Союза к мужьям, не ведая, что вместо семейного счастья их ждет смертельная ловушка.

Юаровцы прошли через позиции ангольцев, как нож через масло, сказала колоссальная разница в подготовке. Бронетранспортеры ангольской армии горели на подступах к городу, словно факелы, черный дым от которых смешивался с пылью, поднятой гусеницами южноафриканской техники.

Отрезанные от своих, без связи, с мизерным запасом воды и патронов, советские специалисты и их жены оказались зажатыми в городе. Вариантов было немного: сдаться на милость юаровцов, а дальше – пытки, показания на камеру для западной прессы, тюрьма, возможно, обмен или попытка прорыва.

А был ли выбор у русского офицера на самом деле? Обманул я тебя читатель, не стояло перед ними никакого выбора – его они сделали тогда, когда надели погоны, а жены, когда

вышли замуж за офицеров! Раствориться среди гражданских было нереально – местные бы выдали. Накануне с самолетов были разбросаны листовки, обещавшие вознаграждения за плененных или убитых ангольских офицеров, коммунистов и русских советников. Деньги обещали такие, что и родную мать можно легко продать.

Когда начался штурм города, четырнадцать человек, взяв оружие, сели в уазики и пошли на прорыв – молодые, красивые, дерзкие, лучшие из тех, что были у России.

Маленькая колонна выдвинулась из города. Удача! Проскочили по саванне блокпосты. Да обстреляли, да машины как решето, но все живы. Шансы спастись есть, повеселели. А потом на них вышел вертолет... Слава богу, в колонне профессионалы, все отработано, успели выскочить, да, машины сожжены, но опять все целы. Группа двинулась уже пешком, но ушли недалеко – по их следу уже шли солдаты ЮАР.

И вновь в окружении, залегли. Наши ребята отстреливались до последнего патрона, девчонки, не умеющие стрелять, снаряжали магазины. Позже солдаты рассказали, что видели, как советский советник из пистолета застрелил свою красавицу жену, а потом покончил с собой. Из всей группы удалось спастись одному прапорщику.

Присыпанный песком после взрыва ручной гранаты, он очнулся ночью рядом со своей мертвой подругой. Взяв пистолет с одной обоймой, двинулся дальше к своим, нарвался на патруль, успел застрелить двух солдат и попал в плен, из

которого его удалось вытащить только через 15 месяцев, когда Ангола обменяла его на сбитого юаровского летчика.

Кто помнит сейчас про этих русских, погибших в африканской пустыне, верных присяге?

Но для меня одной из причин, почему я согласился поехать на черный континент, это была возможность поохотиться. Еще в детстве я зачитывался книгой Джона Хантера «Охотник», который за неделю мог убить до пятидесяти львов. Львы в ЦАР остались только в национальных парках, а вот буйволов и даже слонов было гораздо больше. Охота на них была официально запрещена, но запрет для западных туристов легко решался взяткой местным чиновникам, а военным и это было не нужно.

Чтобы противник не смог безнаказанно приблизиться к нашей базе, в дневное время практиковалось воздушное патрулирование на "Газели" (вертолет югославского производства) близлежащих окрестностей.

Проявив все свои способности переговорщика, я напросился в группу патрулирования в канун 4 ноября. Официальный праздник, который командование было обязано хотя бы символически отметить, и даже обещало мясной стол. Все это позволило убедить пилотов не просто помахать лопасть-

ми, но даже приземлиться для забора диких мясных деликатесов – что, понятно, делать было категорически запрещено. Но в России, строгость законов компенсируется необязательностью их выполнения.

Мы поднялись в воздух уже ближе к закату. Солнце медленно опускалось за горизонт, отбрасывая на саванну тень нашего вертолета. Внизу подо мной простиралась поросшая высоченной травой и кустарником равнина с отдельно стоящими деревьями: баобабами, акациями, кактусами и еще чем-то колючим, и абсолютно несимпатичным.

Но нас больше интересовала местная фауна. А ее было в избытке. То там, то тут, потревоженные шумом вращающихся лопастей, из зарослей выпрыгивали дикие козы и небольшие антилопы с загнутыми назад как ятаганы рогами. Поразить этих юрких животных из низколетящего вертолета было чрезвычайно трудно. Да и мяса на них почти нет: одна кожа да кости. Встретившуюся пару слонов поприветствовали почетным облетом – нам такую громадину не осилить, и рука не поднималась на величественных гигантов.

Вертолёт нервно подрагивал, как измождённая лошадь после долгого перехода. Сказывался преклонный возраст, многочисленные попадания в корпус не прибавляли здоровья двигателю. Оставалось надеяться только на мастерство пилотов и Господа, который не даст нам совершить вынужденную посадку где-то вдали от лагеря.

Я сидел у открытого люка, чувствуя, как горячий ветер

пытается сорвать армейскую панаму с моей головы. Ветер пах пылью, гарью и чем-то звериным – настоящий запах Африки, терпкий и густой, запах приключений и непредсказуемых поворотов твоей судьбы.

– **Буйволы!** – закричал пилот, тыча пальцем вниз.

Стадо. Чёрные, массивные, с блестящими на закате спинами. Сверху они казались живыми валунами, разбросанными по саванне, голов тридцать. Пилот бросил машину к земле, и стадо рвануло прочь, поднимая стену пыли.

Я прижал приклад АК-47 к плечу, выбирая животное, которое бежало последним, чуть в стороне от остальных, чтобы не зацепить больше никого. Глаза застилала пыль, руки дрожали от вибрации. Первая очередь ушла впустую – пули подняли фонтанчики земли где-то справа от стада. Вторая очередь. Опять мимо. Я выругался про себя: *«Охотничек. В корову попасть не можешь»*.

Еще очередь. **Есть контакт!**

Одна из буйволиц вздрогнула, засеменила, сделала несколько неуклюжих шагов и рухнула набок, поджимая под себя копыта. Остальные бросились от товарки врассыпную, поднимая тучи рыжей пыли.

Мы сели рядом. Двигатели продолжали реветь. Я выпрыгнул первым, чуть не зацепившись за край дверного проема автоматом, за мной – штурман с мешками для мяса.

Буйволица лежала на боку. Пуля перебила ей хребет, но она была еще жива. Влажный темный глаз моргал и косился

на меня, ухо дёргалось, отгоняя мух. Я вонзил нож в горло, чтобы спустить кровь. Она была теплой, темно-красной, почти черной и липкой на руках.

Подошла стая гиен, удивительные твари, как быстро среагировали. Они терпеливо ждали своей очереди в траве, боясь подойти. Привычными движениями – сколько лосей добыто – я, не снимая шкуры, вырезал передние и задние ноги, печень и еще пульсирующее сердце.

Мы не успели набрать высоту, как на место уже стали слетаться уродливые грифы, дожидаясь, пока гиены насытятся. Уверен, через неделю от буйвола останется только вычищенный до белизны скелет.

Мясо, чуть жестковатое – да пошлет Бог здоровья нашему повару Малхазу – было вкусным. Но божественным блюдом оказалась жареная парная печень, мягкая, с тонкой поджаристой корочкой. Ничего вкуснее я до и позже не ел в своей жизни.

Африка открывалась для меня постепенно, как неизвестная планета открывается космопроходцу из романа Стругацких. Многие вещи не укладывались в сознание. Например, жестокость гражданских. Я был свидетелем, как на местном рынке поймали и казнили двух воришек. Пацаны лет семнадцати, проезжая на мотоцикле, сдернули с плеча сумку с наличностью у торговца алюминиевыми тазами, которые семья торговца делала из выброшенных пивных банок, переплавляя их с помощью самодельного горна и заливая жидкий ме-

талл во врытые в песок формы. Тазы получались отличные, звонкие, красивые, лучше, чем заводские.

Воровство – здесь норма, несмотря на наказание, которое может наступить немедленно. Сорвав сумку, воришки дали по газам, но на их беду на крик торговца моментально отреагировал другой продавец в метрах десяти. Используя подвернувшуюся под руку металлическую трубу, он броском заправского городошника метнул ее в мотоцикл. Труба, крутясь в воздухе, ударила по руке водителя, он дернул руль в сторону, и двухколесная машина вместе с седоками завалилась набок, протаскивая парней по дороге еще несколько метров. Их тут же обступила толпа, водитель повредил ногу и сам подняться уже не мог. Второй вскочил, отбросил украденную сумку в сторону, попробовал рвануть через толпу в проулок. Его сбили с ног, он попробовал встать, сбили вторично, и в этот момент какой-то дед с бородой, как у джина из арабской сказки, в белой чалме, одним единственным, торчащим вперед зубом, стал поливать пацана какой-то остро пахнущей жидкостью из двухлитровой бутылки, что-то бормоча себе под нос. Из толпы, оставляя за собой дымный след, вылетела горящая спичка, парень вспыхнул. Поначалу пламя было не очень большое, практически не видимое, воришка молча завертелся по площади в надежде сбежать, но везде его отбрасывали ударами ноги. Постепенно круг сжимался, загоняя жертву обратно к напарнику, лежащему под мотоциклом. Откуда-то появились старые резиновые по-

крышки, их бросили на мотоцикл и лежащего под ним человека. Старикашка продолжал деловито поливать образовавшуюся кучу из своей бутылки.

Мы приехали на рынок за шлепанцами, самой распространённой здесь обувью, и поначалу я не придавал значения шуму на площади; помню, я удивился, увидев парня, бегающего по кругу в горячей рубашке, посчитав это частью местного шоу, благо стоящие в кругу люди хлопали в ладоши и ритмично кричали. Когда его бросили на горящие крыши, я понял, что в этом шоу ему выжить не получится.

Мы с Чижиком смотрели на эту трагедию метров с пятидесяти. Самое страшное для меня было, что горящие, копошащиеся на земле люди не кричали, как будто не чувствовали боли.

– Нужно вмешаться, – Чижик кусал губы, сжимая и разжимая рукоять автомата, – нужно вмешаться, они их сожгут, – его палец опустил переключатель предохранителя.

– Отставить! Уже поздно! А если и спасем, что дальше? Завтра по всей Африке разнесут: русские защищают воров, а послезавтра эта толпа будет стрелять в тебя. Привыкай, здесь самый высокий уровень рождаемости в мире, человеческая жизнь ценится меньше жизни козы, которую держат для молока. Таких зверских обычаев мы встретим еще много.

Но неожиданно, когда первые впечатления от Африки улеглись, мне стало... скучно. Нда, Африка – это вам не Холландия.

Боевой работы было катастрофически мало, нас пару раз привлекали к совместным с правительственными войсками рейдам по перехвату приблизившихся к столице банд, да мы изредка сопровождали гуманитарные конвои, и все... Большую часть времени мы сидели на базе, играли в нарды и пили смузи из бананов. Начальство нас всячески оберегало от любых боевых столкновений, справедливо полагая, что гробить своих парней ради интересов чернокожих товарищей стоит только за очень большие деньги. Поэтому через некоторое время наша база стала мне напоминать пионерский лагерь, за пребывание в котором платят очень и очень неплохо.

Основной замес, настоящая боевая работа, шла в Мали. Там наши активно воевали с туарегскими повстанцами и исламистами, а мы занимались только обучением местных военных для охраны правительственных колонн и президента, ну еще охраняли стратегические объекты. Но русской душе всегда хочется приключений. А если сделать правильный запрос во вселенную, то она тебе точно ответит. И однажды меня и мое отделение вызвали к командиру.

Глава 4. Демократическая республика Конго. Миссия Красного Креста. Деревушка в двадцати километрах от города Либенж.

Жара стояла невыносимая, но десятки людей уже выстроились у входа в клинику. Ну, «клиника» – это, наверное,

громко сказано, хотя доктор Люсьен Морле искренне гордился своим детищем. Под их миссию выделили здание колониальной усадьбы, построенной неведомой ему бельгийской семьёй лет сто назад. Добротное двухэтажное каменное строение с широкой террасой, колоннами, крыльцом и небольшим флигелем на берегу Убанги позволило развернуть полноценную лечебную и научную работу.

После того как ДР Конго обрела независимость, семья колонизаторов была успешно вырезана местными крестьянами – о чём напоминали каменные надгробия на заднем дворе. Какое-то время здание использовалось как склад и перевалочный пункт для торговцев, перевозивших товары в Конго и ЦАР, потом долгое время стояла заброшенной.

С помощью волонтеров из ближайшего городка усадьбу удалось восстановить. На втором этаже разместились спальня миссии на десять человек, лаборатория, столовая. Свет подавался от бензинового генератора во дворе. На первом этаже были склад, приёмный покой, операционная и палата на пять коек – всегда пустовавшая. Местные верили, что дом проклят: духи убитой семьи могут ночью прийти за тобой, поэтому предпочитали умирать во дворе миссии.

Как и большинство европейцев, доктор Люсьен искренне считал, что колонизация Африки принесла только благо: железные дороги, каменные дома, школы, научное земледелие,

а независимость вернула хаос, войны, болезни, нищету. Эта вера непостижимым образом уживалась со знанием о том, как Бельгия колонизировала Конго.

В конце XIX века король Леопольд II создал «Международную ассоциацию для исследования и цивилизации Центральной Африки». Используя противоречия между державами, Леопольд захватил территорию размером с Францию, Германию и Италию вместе взятые, с населением больше 20 миллионов. Особый цинизм был в том, что при разделе Африки он обещал Европе «принести цивилизацию» и соблюдать права человека.

На деле же Бельгия искала золото, алмазы и каучук. Его себестоимость составляла 1,5 франка, а продавали по всему миру уже за 10. Чтобы обеспечить добычу, Леопольд создал «полицию» из кочевых племён, ненавидевших оседлых крестьян. Кочевники охотно убивали, избавляя европейцев от грязной работы. Каждому крестьянину назначали норму сбора каучука. Невыполнение каралось смертью. За отказ работать расстреливали на месте. После казни жандармы отчитывались перед начальством: чтобы доказать расход патронов, отрубали жертвам кисти рук. Если патроны тратили на охоту – отрезали кисти у живых. Палачам даже приходилось консервировать конечности, под месячные отчеты. Отрубленные руки стали местной валютой – их меряли корзинами. Со временем тактику сменили: начали калечить не работников, все-таки нужно, чтобы кто-то каучук добывал, а

их жён и детей. Историю крестьянина Нсала знает весь мир. Во времена, когда царская Россия вела войну с Японией, Нсала из деревни Баринга в бельгийском Конго не сдал норму каучука. За это у него на глазах убили дочь, затем сварили и съели её – чтобы другие «старались».

По разным оценкам, жертвами геноцида стали от 1 до 15 миллионов. Население сократилось вдвое. Людей вешали, топили, рубили головы. Один бельгийский офицер за неповиновение вырезал целую деревню и выставил трупы женщин и детей на частоколе в форме креста. Миссионеру-свидетелю с сочувствием сказали: «Не принимай близко к сердцу». Когда журналисты опубликовали фото искалеченных конголезцев, Европа вздрогнула. В 1908 году, под давлением скандала, король Леопольд продал Конго Бельгии.

Конечно, доктор Люсьен знал всю историю этой страны, и поэтому, несмотря на веру, что колонизация для Африки – это благо, небольшой червячок точил его душу – вина перед местным населением за поведение белого человека. Доктор был фанатом своего дела, любил медицину, микробиологию и мечтал спасти человечество от всех существующих болезней, а если бы за это ещё дали и Нобелевскую премию, то ... Да, Люсьен был честолюбив, и это была главная причина, почему он участвовал в опасных экспедициях по всему свету.

Высоченный, худой, как жердь, с постоянно сползающими на нос очками в стальной оправе. Длинные пальцы, испачканные йодом и чернилами, постоянно теребили кожа-

ную книжицу карманного блокнота, куда он торопливо записывал важные наблюдения и гипотезы. Каждое движение выдавало одержимого идеалиста: он прищуривался, вглядываясь в микроскоп, резко наклонялся, чтобы прислушаться к слабому дыханию ребёнка, и нервно потирал переносицу, когда сталкивался с очередной нехваткой лекарств. Его отличительной чертой была торопливость, но не суетливая, когда человек хватается за всё подряд и всё вываливается из рук, а торопливость исследователя, понимающего скоротечность жизни, которая не укладывается в прописанный трёхсотлетний план познания мира. Речь – быстрая, с проглатыванием окончаний, а в глазах – смесь усталости, фанатичной решимости и той особой грусти, бывающей только у тех, кто слишком много видел смертей, которые можно было бы предотвратить.

В ДРКонго с ним работала международная команда специалистов с разной мотивацией. Главной опорой для доктора была лаборантка, медсестра ирландка Мойра О’Шей – женщина, которая могла убить за доктора любого, и это не метафора. Рыжие короткие волосы, точеный профиль, ему позавидовала бы любая модель из глянцевого журнала, глаза – сине-зелёные, как море перед штормом. Она была бойцом от рождения, каждый шаг её был выверен, как у крадущейся пантеры, она могла одним движением вправить вывихнутую руку ребёнку или сломать челюсть, осмелившемуся фривольно хлопнуть ее чуть ниже спины.

В ней чувствовалась сила, она не боялась ни боли, ни смерти. И в этом была её сексуальность – не в округлостях форм, а в бешеной энергетике, готовности идти до конца, в ярости, с которой она цеплялась за жизнь, свою и чужую.

Её родители – бойцы Ирландской республиканской армии в третьем поколении. Отец пропал, когда ей было шесть лет. Он участвовал в обстреле из миномётов лондонского аэропорта Хитроу в 1994 году. Мать говорила дочери, что его схватили «черно-пегие» и во время допроса с пристрастием он был убит и тайно захоронен на кладбище Белфаста. Мать мстила за мужа, как умела. Однажды ночью Мойра проснулась от тихого забористого ругательства и увидела, как мать, стиснув зубы, вытаскивает пулю английского полицейского из левого бедра. Увидев расширенные глаза дочери, она только сокрушенно покачала головой: «Никогда не показывай, что тебе больно».

В семнадцать Мойра сбежала из дома – не от войны, а от её бессмысленности. Уже было объявлено ИРА о прекращении вооруженной борьбы и финансирования террористических организаций в Ольстере. Но отдельные ячейки продолжали заниматься террором.

Помогая матери, Мойра участвовала в подрыве в Белфасте полицейской машины, бомба была заложена в багажник припаркованного у дороги скутера. Рвануло знатно, проезжавшая мимо полицейская машина получила минимальные

повреждения, зато погибли две восьмилетние девочки-близняшки. Мать, узнав о случайных жертвах, просто развела руками, а Мойра взяла билет в один конец и поддельный паспорт. И вот она – в Калифорнии, где солнце не прячется за низкими серыми тучами и всегда тепло. Как и любая девочка, она мечтала о сцене, славе, жизни, она решила покорить Голливуд. Но Голливуд принял её, как принимает всех наивных: «Отказать. Слишком худая. Слишком бледная. Слишком рыжая. Слишком... какая-то не такая».

Она стала «такой» – красила губы, заливала в себя текилу на вечеринках с «нужными» людьми, смеялась, когда хотелось плакать. В восемнадцать – первая роль в эпизоде боевика. Удача. Её пригласили в следующий фильм, и в следующий. В девятнадцать – кокаин, чтобы не чувствовать пустоты одиночества. В двадцать один – передозировка наркотиков, и чёрная бездна, из которой её вытащил какой-то мексиканец-уборщик, плеснув в лицо ледяной водой на заднем дворе ночного клуба. Она очнулась. И впервые за долгие годы – испугалась, нет ни смерти, а того, что умрёт зря, а она была воспитана воевать за кого-то. На следующий день она сняла с банковского счёта все деньги, пришла в ближайший медицинский колледж и подала заявку на курсы медсестёр. «Почему?» – спросил пожилой преподаватель. Мойра посмотрела ему в глаза и сказала: «Потому что я знаю, как выглядит кровь».

Учёба давалась ей легче, чем актёрское мастерство – не

надо было притворяться. Она схватывала медицинскую науку на лету, работала как одержимая, и когда другие студентки брезгливо морщились при виде гнойных ран, она улыбалась. Ей предлагали место в престижной клинике, но она выбрала MSF – «Врачи без границ». Первая командировка – Конго, потом – Судан, лагерь беженцев в Уганде, где дети ежедневно гибли от малярии. Она не пряталась от опасности, она честно её искала. Почему выбрала Африку? Ей часто задавали этот вопрос, она отмалчивалась, но когда Люсьен спросил её об этом, она наклонилась, подняла с земли горсть песка и медленно просыпала его сквозь пальцы.

– Мои родители воевали за землю, которую никогда не смогут назвать своей. Теперь я пытаюсь помочь этим людям, сделать то, что не смогла сделать дома.

Вот уже больше месяца миссия Красного Креста совместно с компанией Water Reference Center проводила исследования по определению уровня заболеваемости протозойными инфекциями в Демократической республике Конго. Проект спонсировался японским правительством, но деньги поступали через Water Reference Center (WRC) – фонд, основанный на Сейшельских островах Красным Крестом с численностью персонала менее десяти человек, и именно фонд подписал соглашение с правительством ДР Конго об исследованиях.

Доктора Люсьена это несколько смущало, но не сильно. Небольшая справка. В период с 2023 по 2025 годы 12 стран Африки получают 18 миллионов доз вакцины RTS,S, а до 2026 года ежегодный мировой спрос на вакцины против малярии составит 40–60 миллионов доз, а до 2030 года – достигнет 80–100 миллионов доз в год. RTS,S – первая и единственная вакцина, которая официально одобрена ВОЗ для профилактики малярии у детей, и она стала первой в мире эффективной прививкой против паразитарных заболеваний в целом. Это настоящий прорыв в науке, ведь разработка иммунизации от паразитов намного сложнее по сравнению с выпуском прививок против вирусов или бактерий.

Так описывал данную вакцину на научных конференциях её производитель – американская компания Sanaria. Производство спонсировалось на деньги инвестиционной компании BlackRock, за которой стоял клан Ротшильдов. О сложности всей этой цепочки доктор Люсьен Морле даже не догадывался. Хотя интуитивно понимал, что за проводимыми исследованиями стоят огромные деньги. Но ему нравилась его работа, а значит, и люди, которые его этой работой обеспечивали.

За переговоры с местными властями и снабжение учёных всем необходимым в экспедиции отвечал улыбчивый японец Кендзи Танака. Улыбчивый, с приветливым, почти детским лицом, которое делало возраст максимально неопре-

делённым – то ли тридцать, то ли пятьдесят лет. Одевался в лёгкую, практичную одежду – светлые рубашки с коротким рукавом, брюки хаки, но всегда безупречно чистые, будто он только что вышел из отеля, а не из джунглей. Японец был одним из самых доброжелательных людей в мире, которых встречал доктор. Кендзи Танака умел тонко пошутить, вовремя разрядить обстановку, всегда готов был помочь, он умел говорить на нескольких языках (английский, французский, суахили, возможно, ещё пара местных наречий). У него была странная привычка: когда он думал, то слегка постукивал пальцами, выбивая какой-то, одному ему известный ритм.

Протокол исследований был разработан до мелочей. У местных жителей брали кровь и мочу для теста на малярию. Для этого приглашались больные с температурой выше 37,5 °С и отсутствием приёма противомаларийных препаратов в течение предыдущей недели, взрослые и дети. За участие в исследованиях им давали москитную сетку и литр чистой бутилированной воды. Никаких лекарств миссия Красного Креста им не выдавала.

Доктор Люсьен вышел во двор миссии, наполненный го-моном толпы: старики, мамы с детьми, подростки. Все они ожидали экспресс-тестирования на малярию. Если тест оказывался положительным, у них брали венозную кровь, мочу в одноразовые пластиковые контейнеры (которые давно перестали быть таковыми) и просили прийти на следующий

день за москитной сеткой, чтобы при необходимости можно было взять анализы повторно.

Внимание доктора привлекла нервная группа людей с Мойрой во главе. Мойра сидела на корточках перед лежащей на земле маленькой девочкой лет семи в ярко-красном платице. Негры о чём-то галдели между собой, тыкая то в волонтера, регистрирующего исследуемых, то в девочку. Доктор подошёл к группе, увидев приближающуюся неловкую долговязую фигуру, девочка птахой вскрикнула от страха и заплакала, закрывая лицо тонкими руками-паутинками.

– Что у вас, Мойра?

– Температура под сорок, лихорадка, со слов матери накатывает приступами. Взяли мочу, она практически чёрного цвета. Сто процентов малярия в терминальной стадии.

Девочка отвела ручонки в сторону, взглянула на доктора. Мойра ей улыбнулась и что-то сказала шёпотом, успокаивающее. Доктора поразили глаза девочки – небесно-голубого цвета. «Редкая генетическая мутация», – машинально отметил он. Все было тоскливо просто, девочка была обречена – день, максимум два.

– Доктор Люсьен, неужели мы ничего не сделаем, чтобы помочь ей?

– Мойра, это не первая и не последняя смерть, которую мы увидим с вами. Я сожалею. Максимум, что можем, – дать две бутылки воды.

Глаза Мойры наполнились слезами и яростью:

– Но ведь так не должно быть! Почему у нас нет лекарств от малярии, почему у нас вообще нет лекарств?!

– Это риторический вопрос, голубушка, наверное, потому что они стоят денег. Мы не раз уже обсуждали это, Мойра – умоляюще воскликнул француз,

– В Африке каждый день умирает от малярии две тысячи детей. Возможно, благодаря нашим исследованиям и этой девочке, через время их станет гораздо меньше.

Доктор Люсьен поправил очки, сокрушенно развел руками, развернулся, чтобы уйти.

– Пойдите! – Мойра схватила его за руку. – Помните, вы говорили, что вам известен случай, когда от малярии в Южной Америке удалось излечить больных с помощью обычного очистителя воды.

Доктор грустно улыбнулся:

– Мойра, не верьте в легенды. Теория Джима Хамбла о диоксиде хлора вызывает серьёзные сомнения, она науч-

но несостоятельна. Это вещество – сильный окислитель, использование в медицине не подтверждено исследованиями и опасно для здоровья. Научное сообщество отвергает данное «лекарство» из-за отсутствия доказательств эффективности и риска тяжёлых отравлений. Методология Хамбла ненадёжна: выводы основаны на искажённых данных, что вводит людей в заблуждение, давая ложную надежду.

Но глаза Мойры уже загорелись огнём фанатика, любимыми путями добивающегося своей цели:

– Доктор, а что нам еще остается, я читала, ВОЗ и FDA допускают использование диоксид хлора в питьевой воде, в рекомендованных дозах он не токсичен, в малых дозах не накапливается в организме и быстро разлагается на безвредные хлориты и хлораты, которые выводятся естественным путём. При дезинфекции воды не вызывает раздражения слизистых, в отличие от хлора, так как не образует агрессивных соединений. В аннотации заявлено, что он убивает вирусы, возбудителей энтеробиоза, у микробов к нему нет привыкания. Доктор, давайте попробуем! – Она умоляюще сложила руки на груди,

– Кроме малярии, у наших больных еще присутствует с десяток разных инфекций, вдруг мы кого-то спасём? Это лучше, чем стыдливо прятать друг от друга глаза после каждой смерти. Вы наверняка слышали истории, что в Камеруне

этот препарат помог сотням больным.

Речь её была пронзительной, такой напористой, что доктору Люсьену показалось, будто его подхватил горный поток, стремительно несущийся в долину.

– Ну... давайте попробуем, дезинфектора для воды у нас в избыточном количестве, – неуверенно пожал он плечами.

– Доктор, вы помните, что с чем и как нужно смешивать?
– Мойра встрепенулась,

– В теории Джима Хамбла нужно смешивать хлорит натрия с лимонной или соляной кислотой, но у нас есть официальный препарат «Биоцин», он изначально двухкомпонентный. Нам нужна концентрация до 2 мг/л. Приготовить десять литров раствора – дело нехитрое, – рассуждала вслух Мойра. – Мы сможем давать раствор каждому больному с подтверждённым диагнозом малярия.

Так и сделали. Теперь каждый больной получал после прохождения тестирования стакан с раствором диоксида хлора. Получила непроверенное лекарство и девочка с голубыми глазами. Мойра хотела оставить её на первом этаже для наблюдения, в палате, но мать девочки, нервная ху-

дая негритянка в выцветшем платье и десятком нитей бус на шее, категорично отказалась, вздымая руки то к небу, то к земле, то к лежащей на земле девочке. По её обрывистой гортанной речи Мойра поняла, что вся семья работает на кобальтовом руднике, денег нет, а оставлять девочку в проклятом доме мать не готова. Потом негритянка требовательно махнула пятнадцатилетнему сыну, который привёз их в миссию на разрисованном под американский флаг мотоцикле, посадила девочку ему за спину, обхватила её горячее тельце, сев после нее, зажала между своих рук, ухватившись за спину сына, и они укатили.

Решение, принятое Люсьеном, кардинально поменяло его жизнь и её сроки, а также жизнь ещё нескольких сотен людей.

На следующее утро крестьяне пришли на повторную сдачу анализов.

– Эй, доктор! – возмущенно крикнул кто-то ошарашенному Люсьену, когда тот вышел на террасу. – Почему ты стал давать нам настоящее лекарство только сейчас?

Дети носились между взрослыми, а молодые парни, ещё вчера угрюмые после ночных приступов малярии, сегодня шутили и толкали друг друга, как школьники начальных классов. Они не были похожи на смертельно больных людей,

– Я впервые за пять недель проснулся без головной боли,

– сказал один из них, почесывая живот. – И есть охота, как будто я не ел неделю.

Люсьен переводил взгляд с одного лица на другое. Ни желтизны в глазах, ни землистого оттенка.

– Может, это сон? – пробормотал он.

– Нет, – Мойра обняла его за плечи, радостно взвизгнув. – Это просто люди, которые впервые за долгое время чувствуют себя здоровыми. Мы всё сделали правильно! Наше лекарство сработало!

В воздухе витало что-то необъяснимое – не просто облегчение, а почти детская радость. Из двухсот больных с подтверждённым вчера диагнозом малярия у ста сорока восьми он не подтвердился.

Привезли голубоглазую девочку. Сама она ходить не могла, её положили под развесистой акацией. Люсьен и Мойра подбежали к ней. Девочка лежала на земле, прижав кулачки к груди и смотрела в небо, она была еще очень слаба. Мойра положила свою ладонь ей на лоб.

– Думаю, температура ниже 38. Я покормлю её и дам ещё раствора диоксида хлора.

Подошёл японец Кендзи Танака, обычно всегда невозмутимый, как лидер якудзы, сегодня он буквально приплясы-

вал на месте,

– Доктор, это чудо! Это невозможно! В крови нет плазмодия!

– Ну, возможно, он остался в печени. Думаю, нужно повторно всем выдать препарат. И главное – всё тщательно задокументировать, чтобы нас не обвинили в шарлатанстве. Я пока не верю, что обычный копеечный дезинфектор способен на такое.

Мойра, стоящая рядом на секунду задумалась.

– Нет, доктор. С системой нужно бороться современными методами. У меня есть блогер со сотысячной аудиторией на YouTube. Нужно передать информацию ему, он подготовит репортаж, тогда задушить правду будет гораздо сложнее. Нужно ехать в город, в отель, интернет только там.

– Отлично, – поддержал идею Кендзи Танака. – Заодно нам нужно закупиться некоторыми медикаментами, чистой водой и свежими багетами (одно из позитивных наследий французской культуры по всей Африке – французы приучили африканцев печь длинные белые батоны хлеба).

Глава 5 Швейцария. Женева. Миссия Международного Комитета Красного Креста.

Кабинет главы Департамента операций МККК в Африке напоминал музей колониальных трофеев: дубовый стол из черного палисандра, лоснящаяся шкура леопарда на стене, африканские расписанные маски и ритуальное оружие, старинный армейский кольт образца 1860 года с проржавевшим курском и портрет основателя движения, Анри Дюнана, с немного укоризненным взглядом.

За этим столом, на котором стояла шахматная доска с фигурами из слоновой кости, с разыгранным дебютом, восседал **Жан-Клод Вальтер** – мужчина, чья фигура балансировала между «влиятельный чиновник» и «уставший светский лев». Широкие плечи, копна седеющих волос, дорогой, но слегка помятый костюм, он что-то быстро набирал на компьютере, напевая себе под нос мелодию из модного мюзикла.

В дверь постучали. Три аккуратных, тихих, почти подобо-бострастных удара.

– *Войдите, Анри,* – лениво бросил Вальтер, не поднимая головы.

Дверь приоткрылась, и в кабинет прошмыгнул **Анри Лефевр** – секретарь, которого сама природа, казалось, создала для того, чтобы носить кофе, подбирать упавшие бумаги и говорить «да, сэр» почтительным голосом. Тощий, как го-

лодный хорек, в очках с толстыми линзами, он двигался бесшумно, будто боялся потревожить пыль на ковре у босса.

– *Месье Жан-Клод, у нас... небольшая проблемка.*

– *Проблемка?* – Вальтер демонстративно медленно поднял левую бровь. – Если это «проблемка», то какого черта к ней нужно привлекать меня.

Анри нервно облизнул губы.

– *В Конго, которая Демократическая республика. Один... э-э-э... исследователь. Опять.*

– *Опять что?*

– *Лечит малярию диоксидом хлора.*

Вальтер замер на секунду, потом медленно откинулся в кресле, сложив руки на животе.

– Анри, скажи мне, пожалуйста, сколько раз мы уже слышали эту историю? Уганда, Камерун, теперь Конго... Мне показалось, что мы уже научились давить ситуацию в зародыше, в чем проблема? Обвините в шарлатанстве, подключите руководителей проекта, пусть устроят разнос за антинаучный подход, увольте доктора, в конце-то концов, ну не мне же вас учить!

– *Но месье, в этот раз...*

– *В этот раз что? Они успели выпустить серию статей, дали интервью Ньюерк-Таймс, сообщили местному правительству, что!?* – тон Жана-Клода становился все более раздраженным.

Анри потупился.

– Снял. И... опубликовал у блогера, ролик уже просмотрело более пятидесяти тысяч человек.

Вальтер закрыл глаза, будто молясь о терпении, выдал пальцами барабанную дробь по столу. Стол отозвался глухим гулом.

– Прекрасно. Просто восхитительно. И, конечно, блогер уже произнес слова о «фармацевтическом заговоре», «проклятых капиталистах и несчастных африканских детях»

– Почти дословно, месье.

Вальтер вздохнул, потянулся к трубке радиотелефона, набрал номер.

– Ало, Пьер? Да, это Жан-Клод. Да, «опять». Готовь пресс-релиз: «МККК не поддерживает непроверенные методы лечения, все врачи, распространяющие антинаучную ересь, будут наказаны...». И добавь что-нибудь про «опасность для здоровья». Да, и свяжитесь с гуглом, пусть снесут канал блогера, за «нарушение правил сообщества», данные канала передаст мой секретарь.

Он бросил трубку и посмотрел на Анри.

– Исследования этой миссии свернуть, врачей уволить?

– Ну что мы звери, Анри, нам эти исследования принесут много денег, пусть работают, получают выговор от начальства и угрозу лишения премии по итогу экспедиции. Через месяц все забудут. А если не забудут...

– Если не забудут?

– Тогда найдём способ сделать так, чтобы забыли.

Он потянулся к графину, налил себе стакан воды и поднял бокал в сторону портрета Дюнана.

– За гуманизм, Анри. И за то, чтобы он никогда не мешал бизнесу.

Красный Крест. Историческая справка.

Вот думал ли ты читатель, почему товарищ Сталин не пустил Миссию Красного Креста в СССР, что потом, якобы, не дало возможности помогать нашим военнопленным в нацистских концлагерях?

Ведь представители МКК обратились к советскому руководству с предложением о помощи уже в первые дни войны. В итоге, положение наших пленных было гораздо хуже чем у британцев, французов, поляков.

Благодаря американским фильмам мы привыкли думать, что Красный Крест – это самоотверженные медики, которые бескорыстно помогают раненым, больным, стариками и детям по всему миру, они пытаются принести гуманизм и европейские ценности в страны с дикторскими режимами, гибнут сам, но помогают нуждающимся.

Возможно, читатель обращали внимание на редкие сообщения, что мол, плохие иракские, ливийские, африканские

парни расстреляли безоружную машину Красного Креста, которая что-то забыла на территории, где идет война. Нет у плохих парней сострадания к героическим врачам и волонтерам безответно преданных своему долгу.

По учебникам истории Красный Крест был основан швейцарским бизнесменом Анри Дюнаном после того, как он стал свидетелем ужасов битвы Австро-Итало-Французской войны при Сольферино в 1859 году. Завидев тысячи раненых, оставленных умирать на поле боя, потрясенный горем он гневно воскликнул: «Так нельзя! Надо спасать!» Идея о создании организации, которая бы оказывала помощь в подобных ситуациях, показалась ему благородной и необходимой. Вы верите в благородство швейцарского бизнесмена?

В действительности Швейцария в XIX веке была не только нейтральной, но и амбициозной страной, не имеющей колоний, но стремящейся к влиянию на международной арене. Зачем же это было нужно Швейцарии? Прежде всего, Красный Крест стал «гуманитарным лицом» швейцарского нейтралитета. Пока Европа погружалась в войны, Женева, обладая статусом нейтральной территории, активно выступала в роли посредника, зарабатывая репутацию и влияние. Но не стоит забывать и о бизнесе. Через Красный Крест проходили контракты на медикаменты, логистику, а позже – поставки гуманитарной помощи, которые, как и любая коммерческая сделка, шли с наценкой. Таким образом, Красный Крест стал не только символом гуманитарной помощи, но и мощным

инструментом влияния и заработка. Но уже в 1919г. появилась Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Упс, а зачем, а для чего, зададимся мы вопросом. Причём эта федерация не самостоятельна, а входит в МКК. Но достаточно посмотреть: а кто создавал эту федерацию: Великобритания, США, Франция, Италия, Япония. Основателем Федерации КК был Henry Pomeroу Davison, простой американский... банкир! Продолжил начинание британский генерал David Henderson, специалист по воздушной разведке. У банкира Дависона были два сына, старший был начальником отдела кадров... ЦРУ! А младший, был членом печально знаменитой оккультной сатанистской организации „Череп и кости“, а параллельно директором популярного журнала „Time magazine“. Каждой паре по паре, основа благотворительной гуманитарной организации: банкир, шпион, спецслужбы, масоны, сатанисты и СМИ.

И вот вам смысл существования Красного Креста – Запад использует его для проникновения в страны-жертвы, потому что хартия КК вещает, что она оказывают помощь любой стране, независимо ни от расы, ни от религии, ни от политического устройства, так как Красный Крест – абсолютно нейтрален и бескорыстен. Здесь начинается самое интересное. Как же легко можно использовать такую организацию для проникновения в страны, где ведутся боевые действия, или где происходят социальные потрясения. Если бы вы бы-

ли шпионом, разве не было бы удобно скрывать свои действия под маской гуманитарной помощи? Да иногда миссии КК действительно помогают местным жителям, только всегда за этим стоит выгода военных, политиков или бизнеса.

Глава 6. Мэверик. ЦАР. База «Африканского корпуса» недалеко от Банги.

– Бойцы, знакомьтесь. Позывной Мэверик, военный этнограф, занимается культурной разведкой, – командир махнул в сторону стоящего с ним человека.

Мужики в строю недоуменно переглянулись. В заднем ряду кто-то фыркнул:

– Што? Фольклорист, сказочник что ли?

– Нет, – командир усмехнулся. – Антрополог, этнограф.

Тишина повисла над шеренгой. Хрен редьки не слаще. Слово «антрополог» вызвало в моей голове какие-то воспоминания из школьного учебника об Африке как колыбели цивилизации и формах черепа у древних людей.

Мэверик сделал шаг к строю. Высокий, сухопарый, лет сорока пяти, голубоглазый блондин, похожий скорее на скандинава – шведа или норвежца. Глаза спокойные, но цепкие, как у снайпера. Одет не по-военному: штаны и куртка защитного цвета, нет разгрузки, только тактический жилет с карманами, бирка «PRESS» на груди и выцветшая бейсболка на голове, цветастый шейный платок. На ногах – тяжелые ботинки с широким носком, явно местного производства. Точ-

но, такой образ белого плантатора рисуют обычно голливудские фильмы.

– Я военный переводчик, потом полевой исследователь. Работал в Сирии, Ливии, Конго, да еще много где. Теперь – здесь. Немножко расскажу, чем занимается военный этнограф на контролируемой нами чужой территории, возможно вам это будет полезно.

– Вы знаете, кто здесь воюет? – Мэверик помахал сложенной картой. – Племенные ополчения, банды, наёмники, правительственные войска. У каждого – свои ритуалы, страхи, мотивация, отношения. Где-то, если вы попадете в плен, вас просто сожгут, а где-то у живого вырежут сердце, чтобы съесть. И вы должны быть признательны за это – так поступают только с врагом, который проявил мужество в бою, и часть этого мужества можно заполучить, если съесть сердце.

– Нам-то что с этого? – фыркнул кто-то из задних рядов.

– Всё. Нас здесь слишком мало. Мы должны не воевать, а уметь договариваться. Почему местные не предупредили о засаде? Почему союзники вдруг слили позицию? Почему деревня, которая вчера дружила, сегодня вам стреляет в спину? Ответы – в их культуре, в их этнической идентификации. Иногда война здесь – просто семейная вендетта. Достаточно помирить двоих, как прекратят умирать сотни. А иногда, – Мэверик многозначительно сделал паузу, – этих двоих нам стоит поссорить. Стратегическая цель присутствия России в ЦАР, чтобы забитые, запуганные, малограмотные жители

сложили оружие и перешли на сторону правительственных войск, для этого их надо понимать о них больше, чем они понимают о себе сами.

Командир поднятой рукой остановил этнографическую лекцию,

– В помощь Мэверiku будет сформирована группа сопровождения – три-четыре человека. Ей будет разрешено перемещаться за пределами 50-километровой зоны – зоны вокруг столицы, которая находится под контролем правительственных войск, – с очевидными рисками для здоровья. Команды Мэверика выполнять беспрекословно. Нужны добровольцы. Кто хочет войти в состав группы – шаг из строя. Ах, да, совсем забыл: боевые выплаты по итогам работы получите в двойном размере.

Возникла минутная пауза. Покидать «пионерский» отряд, рискуя нарваться на пулю, мину или проклятие местного шамана, хотелось немногим. Из строя вышел я, а за мной и вся моя любимая команда: Чижик, Казань и наш водитель с позывным Гоги.

– Отлично. Для усиления вам будет придан местный охотник, он же браконьер, контрабандист, он же внештатный сотрудник местной полиции – Матади. Познакомитесь завтра. Группа «сказочников» – подойти к Мэверiku на инструктаж. Разойдись.

Команда собралась в тени раскидистого куста. Откуда-то появился Кощей, покружил вокруг группы какое-то время,

и, подобно российской мурке, скрутился клубком у ног Чижики, периодически оглядывая одним глазом нашу чудную компанию. Между ними точно была любовь. После того как Кощей решил остаться на базе, Чижик с помощью перекиси водорода и строительных рукавиц смог залечить морду спасенного нами кота и даже пару раз вымыть. Кот, попавший в тазик с водой, первые пять минут пребывал в культурном шоке, а потом принял решение стать личным телохранителем Чижики, когда тот находился в его поле зрения.

– Нас здесь многие не любят. Даже те, кто с нами сотрудничает, – начал Мэверик, – по разным причинам. Но это не значит, что с ними нельзя работать, нужно уметь договариваться с учетом местных особенностей, верований, представлений о мире. Хороший переговорщик-дипломат иногда важнее стоящего на рейде авианосца. Военный этнограф помогает военной разведке в изучении психологии повстанческих, террористических групп, местного населения, прогнозируя их реакцию на действия оккупационной армии. Понимание обычаев, смыслов жизни позволяет понять, кто для местных является «врагом», а кто другом, к кому стоит прислушиваться, а кого стоит избегать. Вот вы наверняка уже обратили внимание, что местные не очень жалуют правительственные войска, хотя те должны быть защитой государственности, опорой, героями для них, а почему?

Я задумался. То, что военные периодически грабят крестьян, я видел. Меня самого удивляло, как такое возможно.

Крестьяне жаловались полиции, полиция ругалась с военными, злые военные грабили крестьян.

– А всё просто, – объяснил Мэверик. – Это издержки колониального прошлого Африки. При формировании военных частей на территории колоний британцами, французами, бельгийцами соблюдался принцип «перемещения». Белые понимали, что готовить рекрута на той территории, где проживает его племя, – идея плохая. Для решения этой задачи призывники переводились в другой регион, где живут племена, враждебно настроенные по отношению к нашему рекруту. Например, военная подготовка христиан французами проводилась на территории дистриктов (районов), где доминировало мусульманское население. Когда прошел парад независимости и армии метрополий ушли из колоний, образовался вакуум вооружённой силы. Обученных офицеров осталось очень мало, а они все из какого-то племени и формировали армию под себя из своих соплеменников. Так формировались уже армейские кланы. Сложилась удивительная ситуация: армия независимых стран состоит из этнических меньшинств, чьи интересы отличаются от интересов местного населения, превосходящего их в сотни раз.

Вот вам причина государственных переворотов. Придя к власти, офицеры, помимо украшения погон большими звездами, прилагали все силы для сохранения в армии своих соплеменников. Демократически выбранный президент, за которого проголосовало большинство, в ста процентов случаев

был из другого племени. Так как реальной угрозы внешней агрессии для африканских стран не существовало, и армия применялась в основном для подавления беспорядков и мятежей различного характера, основное число частей и соединений умышленно делалось президентами стран небоеспособными. Вы просто представьте себе, президент страны делает всё, чтобы армия не могла эффективно воевать, потому что он...

– А чего представлять? – прервал я докладчика – вспомним Горбачева, Ельцина, как за американские деньги распиливали наши атомные подводные лодки.

– Да, – кивнул головой Мэверик, – Так и тут. Я помню, как разговаривал с одним местным генералом. Когда зашел разговор о военном сотрудничестве, генерал в доходчивой форме объяснил: «С эпохи колониализма в этой стране ничего не изменилось. В плане поставок тяжелой техники – всё бесполезно. Сегодня вы её поставите, а завтра она сгниет на обочинах дорог». Я однажды осматривал танковую часть, состоящую без малого из 50 вполне современных танков, но завести эти танки было нечем. Все аккумуляторы на тележках были без электролита, а тягачи (которые могут также завести тяжелую технику) отсутствовали как таковые. Офицер танкового полка пояснил, руководство страны не допустит возникновения «лишней» боеспособной части, способной совершить военный переворот, потому что были прецеденты.

Так что культурная разведка – это максимально приклад-

ная дисциплина, изучающая психологию поведения населения на той территории, где ведутся боевые действия, уходит корнями еще в правление Екатерины II и присоединение Крыма. Объектом изучения являются культуры, религии, мифы, легенды, языки, музыка, литература и всё то, что составляет основу мировоззрения. Вот вспомним Украину. Что в первую очередь делали западные спецслужбы? Уничтожали язык, праздники, литературу. Вот стоит украинский мальчик восьми лет перед памятником герцогу де Ришельё в Одессе, табличку видит, а прочитать не может, не знает языка. И никакого понимания, почему одесситы считают памятник символом города, у мальчика нет. А нет корней – и город не жалко, можно сносить, ломать, не задумываясь о последствиях.

– А кто такой этот Ришельё? – спросил заинтересовавшийся памятником Чижик, – это герой из «Трёх мушкетеров»?

– Генерал-губернатор Одессы, считается основателем города, памятник был поставлен на народные деньги при губернаторстве графа Воронцова. Когда закончились наполеоновские войны и Бурбоны вернули себе трон, герцог уехал во Францию, где стал премьер-министром в правительстве Людовика XVIII.

– А теперь о важном. Военный этнограф не вмешивается ни во что. Мы – наблюдатели, вежливые, милые, но наблюдатели. Если оказались в племени, которое в полнолуние на-

силует девочек десяти лет, а мы как почетные гости приглашены на этот «праздник жизни», сидим и улыбаемся. Если вы к этому не готовы, в первую очередь это к вам, молодой человек, – Мэверик ткнул пальцем в сторону Чижика, – то лучше сразу откажитесь от участия в исследованиях. Девочки вам спасибо не скажут, а группу из-за проявления любых эмоций погубите.

Чижик насупился, а я немного забеспокоился. А действительно, не будет ли его юношеский максимализм угрозой для нас?

Мэверик продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.